

УДК 343.36

ББК 67.408.143

Статья 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: проблемы законодательной техники

И.А. Анисимова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Article 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: Problems of Legislative Technique

I.A. Anisimova

Altai State University (Barnaul, Russia)

На основе анализа законодательства, научных положений и судебной практики дается характеристика дискуссионных признаков составов преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 314¹ УК РФ. Делается вывод о том, что сложности толкования спорных признаков обусловлены несовершенством редакции ст. 314¹ УК РФ, несоблюдением требований законодательной техники о точности, ясности и предельной лаконичности предписаний закона. Доказывается вывод на примере рассмотрения следующих проблем: толкования субъекта состава уклонения от административного надзора; определения содержания объективной стороны состава неоднократного несоблюдения установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений; обоснованности закрепления в качестве обязательного признака уклонения от административного надзора специальной цели. Предложены рекомендации по преодолению недостатков ст. 314¹ УК РФ. Констатируется, что в статье произошло несогласование между точностью и ясностью предписаний закона. Воля законодателя выражена в тексте нормы недостаточно точно, что влечет ошибочное восприятие нормативных предписаний, мнимую ясность. Преодоление несоответствия между точностью и ясностью закона требует редакционных поправок, в частности внесения изменений в ч. 1 ст. 314¹ УК РФ и примечание к ней, и не может быть осуществлено за счет расширительного толкования нормы Пленумом Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: административный надзор, субъект уклонения от административного надзора, цель уклонения, неоднократное несоблюдение ограничения или ограничений, законодательная техника.

Based on the analysis of legislation, scientific principles and jurisprudence, the author describes the most controversial elements of crimes envisaged by Parts 1, 2 of Art. 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The conclusion is that the complexities of the interpretation of the disputed signs arise due to the imperfection of the revision of Art. 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and the nonobservance of the requirements of the legislative technique of precision, clarity and extreme conciseness of law's provisions. The conclusion is proved by the example of the consideration of the following issues: the interpretation of the subject of the composition of the evasion of administrative supervision; the determination of the content of the objective side of the composition of the repeated failure to comply with the court in accordance with the federal law limits or restrictions; the validity of the fixing of the special purpose as a obligatory feature in the composition of the evasion of administrative supervision. The article offers recommendations for overcoming of the shortcomings of Art. 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is stated that there is a mismatch between precision and clarity of law's provisions in the Article. The legislative will is not expressed exactly enough in the text of the provision causing an erroneous perception of the legal prescriptions, the supposed clarity. The overcoming of the discrepancy between accuracy and clarity of the law requires drafting of the amendments, in particular alterations to Part 1 of Art. 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and the note to it and it cannot be achieved by a broad interpretation of rules by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Key words: administrative supervision, subject of evasion of administrative supervision, purpose of evasion, repeated failure of limits or restrictions, legislative technique.

DOI 10.14258/izvasu(2016)3-01

Под законодательной техникой понимают систему правил формирования и формулирования текста закона. Законодательная техника служит фактором, обеспечивающим создание совершенного и эффективно законодательства [1, с. 38–39].

Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ возрожден институт административного надзора [2]. Для реализации положений этого закона в УК РФ была включена ст. 314¹, установившая ответственность за уклонение от административного надзора, а в действующей редакции — и за неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений. Применение ст. 314¹ УК РФ вызвало ряд проблем, обусловленных несовершенством ее редакции. Эту статью можно рассматривать в качестве наиболее показательного примера негативного влияния несоблюдения при создании нормы правил законодательной техники, а именно требований точности, ясности и предельной лаконичности предписаний закона, на практику ее реализации. Этот вывод подтвердим следующим.

Во-первых, обратим внимание на проблему толкования субъекта состава уклонения от административного надзора, имевшую место в первоначальной редакции нормы. Статья 314¹ УК РФ в редакции Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 66-ФЗ устанавливала ответственность за «неприбытие без уважительных причин лица, в отношении которого установлен административный надзор при освобождении из мест лишения свободы, к избранному им месту жительства или пребывания в определенной администрацией исправительного учреждения срок, а равно самовольное оставление данным лицом места жительства или пребывания...» (курсив наш. — *И.А.*) [3]. Буквальное толкование положений ст. 314¹ УК РФ позволяло признать субъектом преступления только лицо, в отношении которого административный надзор установлен при освобождении из места лишения свободы. В то же время Федеральным законом «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» предусмотрены две группы поднадзорных лиц. Первая группа — лица, в отношении которых административный надзор установлен при освобождении их из мест лишения свободы по заявлению исправительного учреждения. Вторая — лица, в отношении которых надзор установлен уже после их освобождения по заявлению органа внутренних дел. Вряд ли можно предположить, что законодатель, устанавливая уголовную ответственность за уклонение от административного надзора, решил ее ограничить, предусмотрев только в отношении одной группы осужденных. Общественная опасность личности осужденных первой и второй групп — равная, основания и условия

для установления надзора над ними — одинаковые. В отношении той и другой группы осужденных существует презумпция о том, что исправительного воздействия, оказанного на таких лиц при исполнении лишения свободы, не достаточно, и в целях предупреждения совершения ими правонарушений, новых преступлений после освобождения требуется установление над ними особого профилактического наблюдения. При этом данная презумпция в отношении второй группы осужденных подтверждена еще их фактическим противоправным поведением, совершением ими административных правонарушений после освобождения из мест лишения свободы. Таким образом, ст. 314¹ УК РФ содержала очевидный пробел.

Данная законодательная ошибка не могла быть решена путем расширительной интерпретации нормы уголовного закона, применения ее положений к лицу, в отношении которого надзор установлен после освобождения, по аналогии. В литературе справедливо утверждается, что «если нормативный правовой акт строится на идее *nullum crimen sine lege*, его Особенная часть должна содержать исчерпывающий перечень уголовно наказуемых видов поведения, а аналогия как способ преодоления пробелов — этим актом исключается» [4, с. 34]. Именно эту позицию разделила правоприменительная практика. Уголовные дела по ст. 314¹ УК РФ возбуждались и направлялись в суды только в отношении одной группы поднадзорных лиц — осужденных, для которых административный надзор установлен при освобождении из мест лишения свободы. Уголовные дела, направленные в суды по второй группе осужденных, обоснованно влекли вынесение оправдательных приговоров. При этом в судебных решениях прямо указывалось, что согласно диспозиции ст. 314¹ УК РФ уголовному преследованию могут быть подвергнуты лишь лица, в отношении которых установлен административный надзор при освобождении из мест лишения свободы. Лицо, в отношении которого административный надзор установлен после освобождения из мест лишения свободы, субъектом преступления, предусмотренного ст. 314¹ УК РФ, не является¹.

Данный законодательный пробел был устранен путем изменения редакции ч. 1 ст. 314¹ УК РФ Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 514-ФЗ [5]: словосочетание «данное лицо» было заменено термином «поднадзорным лицом». Проблема толкования субъекта преступления была исчерпана.

Вместе с тем указанным законом была создана новая проблема. Закон дополнил ст. 314¹ УК РФ частью второй, предусмотрев ответственность за «неоднократное несоблюдение лицом, в отношении которого установлен административный надзор, администра-

¹ Обзор судебной практики по уголовным делам уголовно-судебного управления прокуратуры Алтайского края. — 2013. — июль. — С. 2–3.

тивных ограничения или ограничений, установленных ему судом в соответствии с федеральным законом, сопряженное с совершением данным лицом административного правонарушения против порядка управления (за исключением административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.24 КоАП РФ), либо административного правонарушения, посягающего на общественный порядок и общественную безопасность, либо административного правонарушения, посягающего на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность». Введение данной нормы социально обусловлено фактами систематического и злостного нарушения поднадзорными лицами правил административного надзора, совершением ими различных административных правонарушений и преступлений в период надзора. Так, в Алтайском крае за I полугодие 2015 г. 742 поднадзорных лица совершили более 3,5 тыс. административных правонарушений, из них около 2,8 тыс. правонарушений связаны с несоблюдением административных ограничений, 170 лиц совершили такие правонарушения два и более раза. Кроме того, 373 поднадзорных лица, помимо несоблюдения установленных ограничений, совершили 883 правонарушения, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность; 34 лица — 42 правонарушения, посягающих на здоровье граждан и общественную безопасность². Однако излишняя казуистичность и несовершенство редакции ч. 2 ст. 314¹ УК РФ вызвали сложности, связанные с уяснением содержания этой нормы.

В правоприменительной практике сформировались две позиции по толкованию положений ч. 2 ст. 314¹ УК РФ. В соответствии с широким подходом достаточно три условия для привлечения поднадзорного лица к уголовной ответственности: 1) привлечение его к административной ответственности за несоблюдение ограничения или ограничений, установленных судом, по ст. 19.24 КоАП РФ два или более раза в течение одного года; 2) нарушение им ограничения или ограничений вновь; 3) сопряжение последнего нарушения с совершением административного правонарушения, предусмотренного гл. 6, 19 или 20 КоАП РФ. К примеру, Ленинским районным судом г. Барнаула деяния М. квалифицированы по ч. 2 ст. 314¹ УК РФ. В отношении М. был установлен административный надзор и определены ограничения: запрет пребывания вне помещения, являющегося местом жительства, с 22 час. 00 мин. до 06 час. 00 мин. и обязанность являться два раза в месяц в орган внутренних дел по месту жительства для регистрации. М. указанные ограничения неоднократно не соблюдал, за что привлекался к административ-

ной ответственности по ст. 19.24 КоАП РФ. Затем М. совершил административное правонарушение, посягающее на общественный порядок и общественную безопасность, предусмотренное ст. 20.21 КоАП РФ и сопряженное с несоблюдением установленного судом ограничения в виде запрета на пребывание вне помещения, являющегося местом жительства, с 22 час. 00 мин. до 06 час. 00 мин. [6]. Данное толкование ч. 2 ст. 314¹ УК РФ характерно и для других уголовных дел, рассмотренных судами Алтайского края.

Судебными инстанциями реализуется и узкий подход к пониманию положений ч. 2 ст. 314¹ УК РФ [7]. В соответствии с ним условиями привлечения к ответственности признаются: 1) совершение поднадзорным лицом в течение года двух или более нарушений ограничения или ограничений, установленных судом, за которые лицо было привлечено к ответственности по ст. 19.24 КоАП РФ, при этом каждое из нарушений было сопряжено с совершением иного административного правонарушения, предусмотренного гл. 6, 19 или 20 КоАП РФ; 2) совершение вновь административного правонарушения, предусмотренного гл. 6, 19 или 20 КоАП РФ, в условиях нарушения одного или нескольких ограничений, установленных судом. Обосновывая эту позицию, правоприменители делают акцент на том, что в примечании к ст. 314¹ УК РФ неоднократно признается несоблюдение лицом ограничения или ограничений «...при условии, что это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за *аналогичное деяние...*» (курсив наш. — И.А.). С учетом положений ч. 2 ст. 314¹ УК РФ аналогичным можно считать только деяние, выразившееся в несоблюдении ограничения или ограничений и сопряженное с совершением иного административного правонарушения.

Признаем, что такая позиция основывается на системной взаимосвязи и дословном содержании норм, изложенных в ч. 2 ст. 314¹ УК РФ и примечании к ней, но она чрезмерно сужает сферу действия данной нормы. Думается, что законодатель не стремился столь существенно ограничить применение ч. 2 ст. 314¹ УК РФ, его воля оказалась выражена в норме неточно. Для преодоления недостатков закона требуется внесение изменений в примечание к ст. 314¹ УК РФ в части уточнения понятия неоднократного несоблюдения ограничения или ограничений, установленных судом. Вместе с тем 24 мая 2016 г. Пленумом Верховного Суда РФ принято постановление «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации», в котором даны разъяснения и по этому вопросу [8]. В п. 8 постановления Верховный Суд РФ раскрыл признаки

² О состоянии законности при расследовании уголовных дел по ст. 314¹ УК РФ: информационное письмо Прокуратуры Алтайского края от 31.07.2015 № 16-07-2015.

объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314¹ УК РФ, поддержав широкий подход к толкованию положений нормы. Данная позиция является не чем иным, как расширительным толкованием уголовного закона.

Третья проблема касается закрепления в ч. 1 ст. 314¹ УК РФ в качестве обязательного признака специальной цели. Диспозиция этой нормы устанавливает, что неприбытие без уважительных причин поднадзорного лица к избранному им месту жительства или пребывания, а равно и самовольное оставление поднадзорным лицом места жительства или пребывания, должны быть совершены *в целях уклонения от административного надзора* (курсив наш. — И.А.). Следует заметить, что данная цель также являлась конструктивным признаком составов преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 198² УК РСФСР. По вопросу ее толкования в литературе высказаны различные позиции.

С точки зрения одних авторов, закрепление специальной цели свидетельствует о стремлении законодателя сузить рамки состава преступления, ограничить уголовную ответственность. При привлечении виновного к ответственности специальная цель должна быть установлена [9, с. 20–21]. В частности, по мнению А.В. Дружинина, «цель уклонения от административного надзора заключается в намерении виновного навсегда (окончательно, насовсем) выйти из-под контроля правоохранительных органов». Обстоятельствами, доказывающими ее, могут служить приобретение поднадзорным лицом подложных документов, удостоверяющих личность, их самостоятельное изготовление, фальсификация документов о тяжелой болезни либо о будущем устройстве на работу в другой местности и др. Временное уклонение от административного надзора предлагается оценивать как административный деликт [10, с. 39–40].

С позиции других авторов, закрепление специальной цели в преступлении — это неудачный законодательный прием. Н.В. Лясс утверждала: «Нарушение правил административного надзора и есть уклонение от него, оно иначе не мыслится, как только путем нарушения. Получается парадоксальное положение: для наличия состава преступления необходимо, чтобы уклонение от надзора было совершено с целью уклонения» [11, с. 519–520]. Действительно, указание на цель в формальном составе преступления, совершаемом самим фактом нарушения установленных ограничений и вытекающих из них обязанностей, является избыточным. Уклонение от административного надзора следует понимать как ближайшую цель и результат действий виновного, о наличии которых свидетельствует уже само нарушение правил надзора. Уклоняясь от надзора, лицо может руковод-

ствоваться различными мотивами, следуя которым, оно сознательно нарушает установленные ограничения и обязанности. Эти мотивы могут быть социально порицаемыми, нейтральными и даже положительными. При этом только некоторые уважительные мотивы поднадзорного лица могут оказать влияние на квалификацию деяния. Так, уклонение от административного надзора в связи с исключительными личными обстоятельствами, предусмотренными ч. 3 ст. 12 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [2], должно повлечь административную, но не уголовную ответственность.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 3 постановления от 24 мая 2016 г. №21 определил цель уклонения от административного надзора как намерение лица препятствовать осуществлению контроля либо избежать контроля со стороны органов внутренних дел за соблюдением установленных ему судом ограничения или ограничений, а также за выполнением обусловленных этими ограничениями обязанностей. Если же лицо уклонилось от административного надзора, например, в связи с необходимостью навестить тяжело больного близкого родственника, получить неотложную медицинскую помощь, которая не оказывается в населенном пункте, где он проживает, и прочим причинам, не имея намерения избежать контроля со стороны органов внутренних дел, такое деяние не является уголовно наказуемым [8]. Из данных разъяснений Верховного Суда РФ очевидно, что вторая позиция является правильной, поэтому в ч. 1 ст. 314¹ УК РФ можно констатировать нарушение требования лаконичности текста закона, повлиявшее на точность выражения воли законодателя. Закрепление специальной цели в ч. 1 ст. 314¹ УК РФ способно, скорее, дезорганизовать правоприменительную практику, нежели оказать ей помощь.

Таким образом, рассмотренные проблемы свидетельствуют о том, что в ст. 314¹ УК РФ произошло рассогласование между точностью и ясностью предписаний закона. Точность характеризует результат нормотворческой деятельности, а ясность определяет восприятие нормативного текста [12, с. 64]. В данной статье УК РФ, как и во многих других новых запретах, воля законодателя выражена в тексте нормы недостаточно точно, что влечет ошибочное восприятие нормативных предписаний, мнимую ясность закона. Преодоление несоответствия между точностью и ясностью закона в подобных случаях требует редакционных поправок, в частности внесения изменений в ч. 1 ст. 314¹ УК РФ и примечание к ней, и не может быть осуществлено за счет расширительного толкования норм уголовного закона Пленумом Верховного Суда РФ.

Библиографический список

1. Тихомиров Ю.А. Законодательная техника как фактор эффективности законодательной и правоприменительной деятельности // Проблемы юридической техники : сборник статей / под ред. В.М. Баранова. — Н. Новгород, 2000.
2. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru>.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» : Федеральный закон от 06.04.2011 № 66-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru>.
4. Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. — СПб., 2005.
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31.12.2014 № 514-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru>.
6. Приговор Ленинского районного суда г. Барнаула Алтайского края от 12.11.2015 по уголовному делу № 1–422/2015 по обвинению Морокова М.В. по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. — URL: http://sudact.ru/regular/doc/1DpnjACUwhYp/?regular-txt=%D0%9C%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%B2&regular-case_doc=&regular-doc_type=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge (дата обращения 29.05.2016).
7. Апелляционное постановление суда апелляционной инстанции Алтайского краевого суда от 04.02.2016 по уголовному делу № 22–301/2016 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. — URL: http://sudact.ru/regular/doc/?regular-txt=Колозеркин&regular-case_doc (дата обращения 29.05.2016).
8. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.05.2016 № 21 // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. — URL: <http://supcourt.ru/> (дата обращения 29.05.2016).
9. Боровиков В.Б. Уголовная ответственность за злостное нарушение правил административного надзора лицами, освобожденными из мест лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1975.
10. Дружинин А.В. Уголовная ответственность за уклонение от административного надзора в виде самовольного оставления места жительства // Уголовное право. — 2015. — № 3.
11. Курс советского уголовного права : в 5 т. Особенная часть. Т. 4 / отв. ред. Н.А. Беляев. — Л., 1978.
12. Ситникова А.И. Законодательная текстология уголовного права : монография. — М., 2011.